

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА — ТЕРРИТОРИЯ МИРА

«ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА И СЧАСТЛИВЫЙ КАРЛА»: О СКАЗКЕ Н.М. КАРАМЗИНА

Е.В. Грекова

Независимый исследователь, Москва

Статья посвящена анализу сказки Н.М. Карамзина «Прекрасная царевна и счастливый карла» (1792) в литературном и социокультурном контексте XVIII в.

Ключевые слова: литературная сказка, фольклор, рококо, сентиментализм, романтизм, Н.М. Карамзин, Ш. Перро

В сказке Н.М. Карамзина «Прекрасная царевна и счастливый карла» (1792) прихотливо сочетаются элементы трех стилевых блоков (корпусов). Отчасти это отразилось в авторской характеристике жанра: «Старинная сказка, или Новая карикатура» [2]. Так сказка или карикатура? И почему старинная?

Старинной Карамзин называет ее потому, что в основу ее легла галантная сказка Ш. Перро «Рике с хохолком». Однако из сказки об уродливом, но умном женихе убрано волшебство: не стоит над колыбельками новорожденных щедрая фея, не происходит волшебного превращения чудовища в красавца, уродливый карлик не становится принцем. Впрочем, идею удалить из сказки волшебство подал сам Перро: «Иные уверяют, что чары волшебницы здесь были ни при чем, что только любовь произвела это превращение. Они говорят, что принцесса, поразмыслив о постоянстве своего поклонника, о его скромности и обо всех прекрасных свойствах его ума и души, перестала замечать, как уродливо его тело, как безобразно его лицо: горб его стал теперь придавать ему некую особую важность, в его ужасной хромоте она теперь видела лишь манеру склоняться чуть набок, и эта манера приводила ее в восторг» [4, с. 66]. К тому же эта сказка — из сборника «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями», то есть если Карамзин отсылает нас к написанной за сто лет до этого сказке Перро, то последний отсылает нас к еще более давним временам.

Однако если стиль сказок Перро галантно-прециозный, то с самого начала «Счастливого карлы» узнаваема карамзинско-сентименталистская речевая манера с его восклицаниями, синонимичными перифразами, обращениями и прочим украшательством: «О вы, некрасивые сыны человечества, безобразные творения шутиливой натуры! вы, которые ни в чем не можете служить образцом художнику, когда он хочет представить изящность человеческой формы! вы, которые жалуетесь на природу и говорите, что она не дала вам способов нравиться и заградила для вас источник сладчайшего удовольствия в жизни — источник любви! не отчаивайтесь, друзья мои, и верьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми...» [2]

Весьма вероятно, что начало сказки содержит иронический намек на Просвещение: идея естественного равенства людей, выразившаяся в тот же год в гуманистическом утверждении, что *и крестьянки любить умеют*, комично воплощена в праве горбатых быть любимыми.

Мы вправе ожидать иронию, поскольку Карамзин определяет жанр своей сказки как карикатуру. Но корни иронии не только жанровые.

Иронию мы обнаруживаем уже в исходной сказке Шарля Перро. Заметим, что ирония вообще была свойственна прециозной сказке, подчеркивая ее развлекательный характер. Упрочивается прием иронии в сказке *рококо*, что по времени гораздо ближе к Карамзину. Со стилем рококо связана его незавершенная галантно-рыцарская поэма («богатырская сказка») «Илья Муромец». К тому же Карамзин — не только автор двух работ об Ипполите Богдановиче, но и прямо указывает на «Душеньку» в своей сказке: «услужливые Зефиры ныне или завтра могут принести к вам какую-нибудь прелестную Псишу, которая с восторгом бросится в объятия ваши...». В то же время в карамзинской иронии чувствуется нечто ренессансное, отдающее юмором Рабле или издевками де Гевары: гостивший у царя «странствующий астролог ... пил и ел по-философски, то есть за пятерых, и беспрестанно говорил об умеренности и воздержании» [2].

К прихотливому сплетению сентиментализма и рококо добавляется псевдофольклорный элемент (позднее он повторит этот прием в «Илье Муромце»). Героиня его сказки не принцесса, а прекрасная Царевна, с прописной буквы, как имя собственное, с намеком на Василису Прекрасную и прочих сказочных дев. Царь, ее отец, характеризуется как *Царь добрый человек*, где *добрый человек* — род постоянного эпитета, характерного для фольклора Симбирской губернии (сравн. с выражением *конь добра лошадь* в народных песнях, зафиксированным П.В. Киреевским [3, № 75]). Ориентированность на русскую народную сказку условна, в целом сказка сохраняет куртуазно-европейский характер.

Это, однако, не случайно. Карамзин иронически указывает на европеизм российского императорского двора с его шутами-карликами.

Мода на карликов, конечно, пришла из Европы. Малый рост их забавлял правителей, но и позволял ловчачам быть отличными шпионами. Не все карли-

ки были действительно дураками: как и традиционные придворные шуты в ослиных колпаках, они бывали образованы, разбирались в государственных делах, были советчиками королей и наставниками принцев, позволяли себе перечить королям и терпели насмешки придворных. Их портреты писали Веласкес и Вагто. Свифт придумал целую страну карликов. В народе ходили истории про находчивого мальчика-с-пальчик и жуликоватого старичка-сам-с-ноготок, борода-по-локоток; близок к нему Желтый карлик мадам д'Онуа [7, с. 54–84].

Карлики были комедиантами, жонглерами, музыкантами. И, безусловно, авантюристами, ибо ходили по краю. Карамзин характеризует своего карлу именно так: «Придворный карла был человек отменно умный. Видя, что своенравная натура произвела его на свет маленьким уродцем, решился он заменить телесные недостатки душевными красотами, стал учиться с величайшею прилежностью, читал древних и новых авторов и, подобно афинскому ритору Демосфену, ходил на берег моря говорить волнам пышные речи, им сочиняемые. Таким образом скоро приобрел он ... то дарование и то искусство, которым фракийский Орфей пленял и зверей, и птиц, и леса, и камни, и реки, и ветры — *красноречие!* Сверх того он имел приятный голос, играл хорошо на арфе и гитаре, пел трогательные песни своего сочинения и мог прекрасным образом оживлять полотно и бумагу...» [2]

Петр Великий с младенчества был окружен карликами не хуже испанских принцев, детей Филиппа IV. В музее Басманного района г. Москвы можно узнать, что у трехлетнего Петра была маленькая, крашенная под золото карета, в которой он сопровождал отца на соколиную охоту. В карету впрягались пони, а сопровождали ее пешие и конные карлики [6].

Карамзин намекает на некую «важную услугу, оказанную... отечеству». Как тут не вспомнить карлика Якима Волкова. Его подарил Петру отец. Именно Волков во время стрелецкого бунта переодевает будущего дипломата боярина Андрея Матвеева в одежду конюха, после чего благополучно выводит из Кремля. Мальчик Петр не забыл этого и впоследствии осыпал Волкова милостями. 14 ноября 1710 г. во дворце Меншикова была устроена его свадьба, на которую были приглашены все придворные карлы Европы (в реальности на свадьбе было 70 гостей). При венчании царь лично держал венец над невестой.

В самом описании «услуги» Карамзин контаминирует два библейских сюжета: карлик выступает против вражеского полководца-великана, как Давид против Голиафа, однако умиряет последнего сладостной песней, как Давид царя Саула: «Когда варвары под начальством гигантского царя своего, как грозная буря, приближались к нашему государству ... тогда юный карла, один и безоружен, с масличною ветвью явился в стане неприятельском и запел сладостную песнь мира; умиление изобразилось на лицах варварских, царь их бросил меч из руки своей, обнял песнопевца, взял ветвь его и сказал: „*Мы друзья!*“ Потом сей грозный гигант был мирным гостем моим, и тысячи его удалились от страны нашей. „Чем наградить тебя?“ — спросил я тогда у юного карлы. „*Твоей милостию*“, — отвечал он с улыбкою...» [2]

Этот момент представляется нам исключительно важным, поскольку библейский песнопевец Давид, наряду с легендарными Орфеем и Оссианом, — это ключевая фигура в создании романтического образа поэта-пророка, и, следовательно, карамзинская сказка оказывается в ряду предромантических произведений. С романтизмом образ карлы сближает противостояние внутреннего и внешнего, души и тела, прекрасного и уродливого, и горб карлы можно воспринимать, как сложенные за спиной крылья. Как в будущем «Альбатросе» Бодлера: «Поэт, вот образ твой! / Ты также без усилья / Летаешь в облаках, средь молний и громов, / Но исполинские тебе мешают крылья / Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов» [1, с.18].

Рассказывает Карамзин и о том, как благодаря уму и талантам «умный карла вошел в превеликую моду». В этом замечании угадывается намек на судьбу Яна Лакосты из Гамбурга. Неизвестно, был ли Лакоста карликом, но уродцем был точно. Современники указывали на то, что фигура Лакосты была смешная и нескладная. В то же время Лакоста был умен и ловок, умел всем понравиться, был хорошо образован, говорил на шести европейских языках и так знал Библию, что мог вести богословские споры. Петр вывез его в Россию как придворного шута, но обращался с ним скорее, как с товарищем. Известно, что Лакоста называл Петра I «кумом» и помогал царю резать боярам полы кафтанов и стричь бороды. В России Лакоста получил имя Петр Дорофеевич и безлюдный островок в Финском заливе.

Карамзинская Царевна имела возможность убедиться в многочисленных достоинствах карлы, потому что тот принимал живейшее участие в ее воспитании, развивая в ней чувствительность и прививая нравственные начала. Говорят, у юного Петра I в наставниках было три ученых чернокожих карла: Абрам, Томас и Сека. В эстонской сказке «Йонас, Янне и Ян» женихов молодой королевы испытывают ее советники — три седобородых карлика [5, с. 376-382].

Следует заметить, что действие сказки отнесено в идиллическое «тридесатое» царство, где царь принимаемые решения согласует с народным волеизъявлением вроде веча, и этот образ «демократической монархии» создается Карамзиным во время Великой французской революции. Так в сказку включается элемент политической утопии.

В то же время фигура *Царя доброго человека* сближается с Петром I. На это указывает мотив свадьбы. *Женитьба счастливого карлы*, в какой-то мере сопоставляемая с роскошной свадьбой Якима Волкова, противопоставлена жестокому капризу Анны Иоанновны, женившей князя А.М. Голицына на карлице Бужениновой (история *ледяного дома*). С Петром же *Царя добра человека* сближает любознательность. «Царь обходился с ним <странствующим астрологом> ласково, расспрашивал его о происшествиях света, о звездах небесных, о рудах подземных, о птицах воздушных и находил удовольствие в беседе его» [2].

Такой вот разносторонне интересной оказывается простенькая с виду сказочка. Популярной она была, вероятно, долго. Можно предположить, что

Александр Сергеевич Пушкин превращает влюбленного карлу в своего Черномора («Руслан и Людмила»), а Астролога — в Звездочета в «Золотом петушке».

Список использованной литературы

1. *Бодлер Ш.* Цветы зла / подгот.: Н.И. Балашов, И.С. Поступальский. М.: Наука, 1970. 479 с., 1 л. портр. (Литературные памятники)
2. *Карамзин Н.М.* Прекрасная царевна и счастливый карла: старинная сказка, или Новая карикатура // Русская литературная сказка / сост. и примеч. Н.А. Листиковой. М.: Сов. Россия, 1989. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_1060-1.shtml
3. *Киреевский П.В.* Собрание народных песен П. В. Киреевского / [предисл., послесл., коммент., сост. В.И. Калугина; худож. Н.Т. Барботченко]. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. 461,[1] с., [1] л. портр.: ил.
4. *Перро Ш.* Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями / пер. с фр. С. Боброва, А. Федорова и Л. Успенского; под ред. А. Андрес; послесл. Н. Андреева; ил. Н. Гольц. М.: Правда, 1986. 288 с, ил., 6 л. ил.
5. Сказки. Легенды. Предания. Антология семейного чтения / сост. Е. Фадеева. М.: СКС, ОЛМА-ПРЕСС, 1992. 416 с.
6. *Фочкин Олег.* Детство и юность Петра. URL: <https://basmania.ru/detstvo-i-yunost-petra/>
7. Французская литературная сказка XVII–XVIII вв.: Пер. с фр. / вступ. статья, сост. и коммент. А. Строева; ил. А. Андроновой. М.: Худож. лит., 1990. 720 с, ил.

Об авторе

Грекова Елена Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь, Москва; e-mail: grekov-@mail.ru